

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.554-575>

EDN: FNPGRD

История формирования татарской коллекции в собрании Костромского музея-заповедника: этнографический и художественный аспекты

Н.В. Андрианова

*ОГБУК «Костромской государственный
историко-архитектурный и художественный музей-заповедник»
Кострома, Российская Федерация
z45natasha@mail.ru*

Резюме. В Костромском крае представители татарского народа проживают с XVII в. Согласно документам Разрядного приказа, Татарская подгородная слобода была основана в 1680 г. в пригороде Костромы, за рекой Чёрной, по её левобережью, и существует до сих пор. Жизнью слободы начали интересоваться краеведы и этнографы, начиная с XVIII в., что нашло отражение в многочисленных публикациях. Первыми, кто обратил свое внимание на татар, проживающих в городе Костроме, были Николай Степанович Сумароков и Иван Кузьмич Васьков. Они проводили научные изыскания, направленные на изучение исторического и этнографического наследия Костромского края в XVIII в. В 1861 г. было опубликовано издание под названием «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Костромская губерния», подготовленное Яковом Степановичем Крживоблоцким. В 1881 г. Василий Геннадьевич Пирогов представил работу, посвящённую костромским татарам. Публикация вышла в четвёртом выпуске сборника «Материалы для статистики Костромской губернии» под заголовком «Татарская деревня под Костромой». Леонид Андреевич Колгушкин, уроженец Костромы, в своих мемуарах под названием «Костромская старина» представил детальные исторические свидетельства о татарской слободе начала XX в. Интерес этнографов к этой теме сохраняется, поскольку жители слободы продолжают чтить традиции и обычаи своего народа.

Коллекцию Костромского музея-заповедника пополнила значительная часть материальных объектов, характеризующих культуру и быт слобожан. Эти предметы представляют собой важный исторический источник о костромских татарах. В статье рассматриваются ключевые этапы формирования татарской коллекции, анализируются различные типы артефактов, включая традиционную одежду, украшения, предметы быта и художественные изделия.

Особое внимание уделено уникальным зарисовкам татарского быта, выполненным в начале XX в. сотрудниками Костромского научного общества, которое стало предшественником современного музея. Проведённое исследование подчёркивает уникальность коллекции и её значимость для сохранения и популяризации татарского культурного наследия в контексте региональной истории и межэтнических связей многонационального города Костромы.

Ключевые слова: татары, костюм, слобода, Кострома, музей, коллекция, традиции, краеведение.

Для цитирования: Андреанова Н.В. История формирования татарской коллекции в собрании Костромского музея-заповедника: этнографический и художественный аспекты. *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 4. С. 554–575. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.554-575> EDN: FNPGRD

The history of formation of the Tatar collection at the Kostroma Museum-Reserve: ethnographic and artistic aspects

N.V. Andrianova

Kostroma State Historical, Architectural and Art Museum-Reserve

Kostroma, Russian Federation

z45natasha@mail.ru

Abstract. Representatives of the Tatar ethnic group have been living in the Kostroma region since the 17th century. According to the documents of the Razryadnyy Prikaz, the Tatar Suburban settlement was founded in 1680 in the suburbs of Kostroma, across the Chernaya River, on its left bank, and it still exists today. Local historians and ethnographers began to take an interest in the settlement's life in the 18th century, which is reflected in numerous publications. The first people to turn their attention to the ethnic group of Tatars living in the city of Kostroma were Nikolay Stepanovich Sumarokov and Ivan Kuzmich Vas'kov. They conducted research activities aimed at studying the historical and ethnographic heritage of the Kostroma region in the 18th century. In 1861, a publication titled "Materials for the geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. The Kostroma Province" was published by Yakov Stepanovich Krzhivoblotsky. In 1881, Vasily Gennadyevich Pirogov presented a work dedicated to the Kostroma Tatars. The publication was published in the fourth issue of the collection "Materials for the statistics of the Kostroma Province" under the title "The Tatar village near Kostroma." Leonid Andreevich Kolgushkin, a native of Kostroma, presented detailed historical evidence about the Tatar settlement of the early 20th century in his memoirs titled "Kostroma Antiquity." The interest of ethnographers in this topic remains strong, as the residents of the settlement continue to honor the traditions and customs of their people.

A considerable number of material objects that characterize the culture and everyday life of the village people have been added to the collection of the Kostroma Museum-Reserve. Those items are an important source of information about the Kostroma Tatars. The article examines the key stages of the collection formation and analyzes various types of artifacts, including traditional clothing, jewelry, household items, and artistic works.

Particular attention is given to the unique sketches of Tatar everyday life, made in the early 20th century by the staff of the Kostroma Scientific Society, which was the predecessor of the modern museum. The given research highlights the uniqueness of the collection and its significance for the preservation and promotion of the Tatar cultural heritage in the context of regional history and interethnic relations in the multinational city of Kostroma.

Keywords: Tatars, costume, Sloboda, Kostroma, museum, collection, traditions, local history.

For citation: Andrianova N.V. (2025) The history of formation of the Tatar collection at the Kostroma Museum-Reserve: ethnographic and artistic aspects. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 4: 554–575. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.554-575> (In Russ.)

Коллекция татарских предметов в собрании Костромского музея-заповедника (КМЗ) начала формироваться в конце XIX в. Она неразрывно связана с историей развития музейного дела на Костромской земле, берущей свое начало в 1885 г., когда была основана Костромская губернская ученая архивная комиссия (КГУАК). В 1891 г. во время деятельности комиссии был инициирован процесс создания Музея древностей. С этого момента в его коллекционное собрание начинают поступать экспонаты, отражающие историческое и культурное наследие татарского народа. В музейном каталоге КГУАК за 1909 г. в Этнографическом отделе, в категории головных уборов, одежды и украшений, под номером 255 был зарегистрирован «шелковый, тканый блестками, платок, с восточным узором, употребительный у местных татар» (Каталог музея, 1909: 62).

Активное пополнение собрания комиссии осуществлялось Николаем Николаевичем Виноградовым, выдающимся краеведом, историком, этнографом и фольклористом, который с 1902 г. являлся действительным членом КГУАК. Примечательно, что значительное количество элементов татарского костюма, собранных Виноградовым, было передано в Этнографический отдел Русского музея. В настоящее время эти предметы составляют две уникальные коллекции Российского этнографического музея (РЭМ 1009; РЭМ 1445), включающие 30 предметов мужского и женского костюма, которые представляют собой ценный исторический источник о традиционной одежде костромских татар. Современная коллекция КМЗ насчитывает более 80 экспонатов татарской этнографии и продолжает пополняться. Историко-культурное происхождение некоторых предметов на данный момент не установлено, однако мы можем наметить ключевые вехи формирования коллекции.

В начале XX в. для музея КГУАК по проекту архитектора Н.И. Горлицына строится новое здание – Романовский музей. Открытие состоялось 19 мая 1913 г. в присутствии императора Николая II. В 1917 г. КГУАК, преобразованный в секцию, вошёл в состав Костромского научного общества по изучению местного края (КНО), которое было учреждено пятью годами ранее. КНО отличалось более демократическим составом участников, с более четкими и приближенными к жизни задачами (Шипилов, 1986: 57). С первых лет работы сотрудники КНО проявили живейший интерес к татарской слободе. В отчёте КНО за 1913 г. в конспекте доклада А.А. Яблокова, посвящённого демографическому анализу населения Костромского уезда, отмечается, что «особую группу составляют 600 человек татар в слоб. Татарской» (Отчёт 1913, 1914: 53). В 1915 г. в архив КНО была включена рукопись муллы М. Забирова «Описание свадьбы у татар Костромской подгородной слободы» (Отчёт 1915, 1916: 46). Сейчас эта рукопись хранится в фонде «Документы» КМЗ под № КП КМЗ КОК–41411. В 1924 г. научный сотрудник Этнологической станции КНО Нина Петровна Беляева начала проводить зарисовки в Татарской слободе. Эти материалы представляют собой уникальные свидетельства о бытовом укладе жителей слободы, включая сани, орнаменты расписных и резных дуг, костюмы и утварь (Отчёт 1924, 1925: 18). Почти все её рисунки имеют пометки с локальными

названиями изображённых предметов. Например, работая в семье зажиточных слобожан Булатовых, Нина Петровна изобразила хозяйскую постель (№ КП КМЗ КОК–28261): под цветастым ситцевым пологом, украшенным поверху оборкой и шёлковой бахромой синего цвета с кистями, лежит синее ватное стёганое одеяло, на котором пирамидой уложены шесть подушек в зелёных ситцевых наволочках. Подушек, тюфяков и перин в жилище у татар было всегда больше, чем у соседних народов. Для их изготовления использовали ситец, домотканую пестрядь, в богатых семьях – шёлк. На день постельные принадлежности складывали горкой и покрывали красивой накидкой *ямпа*. Эта традиция укладывания постели сохранилась у татар до наших дней (Татары, 2001: 240). Благодаря записям Нины Петровны, можно узнать, как назывались спальные принадлежности у костромских татар: полог – *сапальдек*, простыня – *царсау* (у казанских татар похожее слово *чаршау* означает занавеси), подушка – *кэндэр*, одеяло – *узунган*. Особое внимание привлекают простыни, которые имели широкий тканый край с геометрическими узорами красных и чёрных оттенков на белом фоне. Тканые изделия, как и вышивка, всегда были гордостью семьи, их тщательно берегли, передавали по наследству, на них учились мастерству и воспитывали художественный вкус. Многие из них тесно связывались с обычаями, бытовыми обрядами (Валеев, 2020: 23). Особенно ярко представлен на рисунке мотив ромба со стилизованными парными отростками-завитками по его двум сторонам. В целом постель на рисунке смотрится пышно, богато и гармонично (рис. 1).

В хозяйстве семьи Булатовых имелась старинная медная утварь. На рисунке (№ КП КМЗ КОК–28263) Н.П. Беляева изобразила ковш – *туштаган* и сосуд для омовения – *кумган*. Если медные ковши были широко распространены не только у татар, то *кумган* являлся для этого народа одним из характерных предметов домашней утвари. Он представляет собой металлический сосуд, использующийся для омовения перед намазом, а также для обычного умывания. Как правило, мужчины и женщины пользовались отдельными кумганами, поэтому в доме их всегда было несколько. Кумганы ставили на печь или в запечье, где их хранили вместе с медными круглыми тазами – *лаган* (Сулейманова, 2010: 55). Л.А. Колгушкин в книге «Костромская старина», посвящённой Костроме начала XX в., описывал Татарскую слободу, упоминая фамилию Булатовых, и особенности быта костромских татар, в том числе применение кумгана: «У входа всегда стоял высокий медный кувшин-кумган и таз для омовения. Этого мусульманского обычая все придерживались строго. У многих он дошёл и до нашего времени» (Колгушкин, 1999: 61). Вид кумгана на следующем рисунке (№ КП КМЗ КОК–28262), согласно Энциклопедии старого быта, можно назвать типичным для татар (Энциклопедия, 2011: 162). Мы видим узкогорлый сосуд для воды с носиком, ручкой и крышкой. Изображённый на рисунке сосуд принадлежал крестьянке Янтеревой. К этому же типу относится и кумган из собрания КМЗ (№ КП КМЗ ОФ–2146).

Рис. 1. Беляева Н.П. Рисунок. Постель в зажиточном крестьянском доме. Деревня Татарская слобода. 1924 г. СССР, Костромская губерния. Бумага; акварель, тушь, перо. 37х26,5 см. Костромской музей-заповедник. № КМЗ КОК-28261.

В хозяйстве Булатовых имелись сани городского типа, украшенные художественной росписью. На изображении под номером КП КМЗ КОК–43323/4 представлены сиденья, обитые красной тканью. Внешний слой ткани декорирован цветочным орнаментом. Аналогичный орнамент присутствует на боковых элементах саней (на крыльях), защищавших едущих в санях от снега и дорож-

ной грязи. В праздничные дни, особенно во время масленичных гуляний, лошади и сани татар заметно выделялись на улицах Костромы – красивым убранством, колокольцами и лентами, завитыми гривами и хвостами. Именно на таких экипажах, с такими бравыми извозчиками желала покататься праздничная публика, особенно ребяташки. Далеко по округе разносился веселый звон бубенцов, лихое гиканье рулевых и радостный смех пассажиров (Муренин, 2015: 33).

Отдельное внимание следует уделить этнографическим зарисовкам традиционных нарядов крестьянок Татарской слободы, которые также были задокументированы Н.П. Беляевой. Это одежда крестьян Булатовых и Янтеревых (№ КП КМЗ КОК–28259 и № КП КМЗ КОК–28260). В покрое рассматриваемых платьев прослеживаются признаки древней туникообразной рубахи: они сшиты из прямого полотнища, с ластовицами, с центральным грудным разрезом. Конструкция воротника-стойки указывает на то, что тип платья, характерный для костромских татарок, имел более близкое сходство с казанским вариантом. Рубаха (*кулмак*) являлась обязательным элементом традиционного женского костюма татарки. Она выполняла функции как нательной одежды, так и платья, обладая характерным глубоким разрезом. Варианты таких платьев и камзолов широко представлены в собрании КМЗ. Женские туникообразные рубахи шились длинными, почти до щиколоток. В середине XIX в. выделяются три типа туникообразных женских рубах: с цельным туникообразным остовом – *тоташ толыпмыкулмак*; с укороченным остовом и пришитым к его нижнему краю подолом – *таккан итәклекулмак*; с отрезным, чуть ниже талии, остовом, широким подолом и пришитым несколько выше талии широким воланом – *Өскеитәклекулмак* (Татары, 2001: 280). Два первых типа мы видим на рисунке под номером КП КМЗ КОК–28259. Верхнее на рисунке платье принадлежало крестьянке Булатовой. Его подол украшен декоративной лентой. Традиционно, орнаментальное декорирование подобных рубах включало использование разноцветных шелковых и атласных лент, кружев, позументных кистей и тесьмы (Татары, 2001: 281). Нижнее на рисунке платье принадлежало крестьянке Янтеревой. Оно демонстрирует характерные для второй половины XIX в. декоративные элементы, такие как мелкие оборки, использовавшиеся в оформлении одежды того времени – *бала итәк*. Нередко вся поверхность подола женской рубахи украшалась горизонтальными рядами оборок. В начале XX в. рубахи такого покроя преобладали на всей территории проживания татар (Суслова, 2018: 75). Оба платья на рисунке имеют глубокий разрез на груди. Такой разрез было принято закрывать нижним нагрудником (*кюкрекче*), который местные татарки называли *тятертя*. Помимо утилитарной функции, заключающейся в скрывании щели на груди рубахи, которая могла раскрываться при движении, данный элемент выполнял свою древнюю религиозно-магическую функцию. Она была связана с необходимостью защиты груди кормящей женщины от недоброго постороннего взгляда (Татары, 2001: 281). Ввиду того, что данный элемент женского костюма периодически находился в зоне видимости, его также считали целесообразным декорировать вышивкой, аппликацией и иными

разнообразными методами. Таким образом, нижний нагрудник выполнял не только функциональную, но и декоративно-художественную роль. В коллекции КМЗ есть примеры таких нагрудников (№ КП КМЗ КОК–5911 и № КП КМЗ КОК–5191) (рис. 2), в оформлении которых были адаптированы элементы от других костюмов. Это нетипичные татарские нагрудники, так как они не имеют традиционной татарской вышивки тамбуром и скошенной формы верхних углов, как это свойственно *кюкрекче*. Но местное название, небольшой размер, имитация ворота рубахи и сведения об источнике поступления данных предметов позволяют утверждать, что эти предметы являются нижними татарскими нагрудниками в costume замужних татарок подгородной слободы в Костроме. Это поздние замены традиционных нагрудников (Андрианова, 2024: 243).

Рис. 2. Неизвестный мастер. Татарское украшение *тjатер'тя*. Конец XIX – начало XX вв. Российская империя, Костромская губерния. Галун, парча, ткань хлопчатобумажная; сшито вручную. 10x28 см. Фотография А.Н. Коновалова 2020 г. Костромской музей-заповедник. № КМЗ КОК-5191.

Ряд графических работ о татарах принадлежит Елене Михайловне Полянской, сотруднику КНО. Ежегодно на Этнологической станции КНО разрабатывались тематические планы, за реализацию которых отвечали конкретные сотрудники. В 1926 г. темой исследования Е.М. Полянской стала конская упряжь, включающая костромские хомуты, дуги и подгарники. В отчет по данной теме

были включены описания приобретенных предметов, инструментов, а также результаты исследований, включая аналитические материалы, зарисовки и другие документальные данные. Именно зарисовки были наиболее продуктивным видом сбора сведений, особенно для росписей, где важен цвет, где описать все невозможно, нужна наглядность (Каткова, 2017: 29). Е.М. Полянская рисует в основном на костромском базаре, где встречались и татарские предметы (№ КП КМЗ КОК–10953; № КП КМЗ КОК–15344/40; № КП КМЗ КОК–15344/43). Один из них был опубликован ею в 1927 г. в книге «Костромской хомут» (Полянская, 1927: 8). В 1930 г. Елена Михайловна продолжила свою работу, будучи уже научным сотрудником Костромского базового музея (Сто лет..., 2014: 107). Узор, используемый в татарских дугах, характеризуется растительной тематикой, включающей изображения листьев, разнообразных цветов, гроздей спелых ягод и волнообразных побегов. Цветочно-растительный орнамент занимает важное место в декоративно-прикладном искусстве татарского народа.

Образ виноградной лозы, хотя и имеет архаические корни, был широко распространен в Верхнем Поволжье. Мастера часто заимствовали орнаментальные мотивы из других культур, адаптируя их к своим традиционным стилистическим предпочтениям и региональным особенностям. Это объясняет сходство татарских и русских упряжных дуг, которые демонстрируют влияние общих культурных и художественных традиций. Рядом с одной из них Елена Михайловна оставила заметку на своем рисунке: «Дуга из Татарской слободы. По словам владельца, дуге лет 75. Надпись на дуге стерлась».

Рассматривая некоторые зарисовки, чувствуется насколько колоритным и интересным был быт костромских татар. Согласимся со словами краеведа В.Г. Пирогова, называвшего татарскую слободу любопытным уголком. И если Василий Геннадьевич составил словесное описание Подгородной слободы, то внимательные и талантливые сотрудники КНО дали нам уникальную возможность через рисунки заглянуть в мир татарской деревни под Костромой в начале XX в. Это позволяет детально рассмотреть особенности их хозяйственной деятельности, культурные традиции, уровень жизни, характерные черты национальной одежды, проанализировать содержание декоративно-прикладного искусства. Все эти аспекты в совокупности формируют многомерное представление о быте костромских татар. Графические работы, в настоящее время представленные в коллекции «Графика» КМЗ, обладают как этнографической, так и в целом исторической ценностью.

Довольно полно в собрании КМЗ представлен татарский женский костюм. Здесь можно увидеть платья, камзолы, головные уборы, украшения, нагрудники и обувь. Эти вещи выглядят как сокровища из восточной сказки. Они удивляют, впечатляют, волнуют воображение, но до середины 70-х гг. прошлого столетия не изучались. В период с 1973 по 1974 гг. Фарида Лутфулловна Шарифуллина, этнограф, кандидат исторических наук и автор научных исследований, посвященных духовной и материальной культуре различных групп татарского населения, впервые посетила Кострому. Целью ее визита было проведение научного

исследования коллекции Костромского музея, изучение культуры и быта жителей Татарской слободы. Именно она описала комплексы местных мужских, женских и детских костюмов, указала некоторые местные названия элементов одежды, сделала зарисовки, записала особенности сохранившихся в Татарской слободе обрядов. В процессе знакомства с музейными фондами она охарактеризовала коллекцию как относительно небольшую, но обладающую высокой культурной и исторической значимостью. Ею было отмечено, что данное собрание датируется XIX в. и состоит преимущественно из предметов женской одежды (Костромские татары..., 2022: 84). В 2009 г. Фарида Лутфулловна приняла участие в Романовских чтениях, представив научную статью под названием «История формирования и традиционная культура татар города Костромы». Эта публикация стала основой для дальнейшего исследования музейной коллекции и истории слободы, оказав значительное влияние на костромских краеведов. Статья включена в фонд научной библиотеки КМЗ.

В татарской культуре существуют следующие пословицы: «Кто плохо одет, того и собака кусает», «Хорошую еду предлагай гостю, хорошую одежду носи сам», «Камень в колечке большим не бывает», «Дома хоть солому ешь, но на улице фасон держи» (Татарские народные пословицы..., 2020: 170–171). Костромские татарки не скупилась на наряды. Это видно по сохранившимся в коллекции комплексам одежды, украшениям, головным уборам и обуви. Особое внимание привлекает разновидность костромского камзола, известная как «корсет». Его надевали поверх платья при выходе из дома. Из описания В. Пирогова, он был в виде «...безрукавого, более короткого, сравнительно с платьем, полукафтана. Последний всегда гладкий, одноцветный, шьется из нанки, сукна или яркой шёлковой материи» (Пирогов, 1881: 67). В собрании КМЗ насчитывается десять камзолов, из которых семь представляют собой типичные костромские корсеты (КП КМЗ КОК–4570, КП КМЗ КОК–4571, КП КМЗ КОК–4572, КП КМЗ КОК–5075, КП КМЗ КОК–5078, КП КМЗ КОК–5080 и КП КМЗ/КХМ КП–7433) (рис. 3).

В коллекции музея представлены четыре разновидности женских головных уборов. Среди них *каттажи* (№ КП КМЗ ОФ–4573), *тастар* (№ КП КМЗ КОК–5274), *калфак* (№ КП КМЗ ОФ–832/3, КП КМЗ КОК–34480) и *камиля* (№ КП КМЗ ОФ–1686, КП КМЗ ОФ–1687). Традиционными головными уборами представительниц татарского народа являлись разнообразные по форме волосники, покрывала и шапки. В головных уборах прослеживается четкая возрастная дифференциация, выражающаяся в выделении девичьих и женских уборов. Девичьи головные уборы имели одну отличительную особенность: они, как правило, имели шапкообразную или калфакообразную конструкцию и надевались без волосника. Традиционные головные уборы замужних женщин более разнообразны и сложны. В отличие от девичьих головных уборов, женские покрывала предназначались для защиты не только головы, но и шеи, плеч и спины. Для этой цели использовались волосники, покрывала и верхние уборы.

Рис. 3. Костромские «корсеты». Фотография М.А. Жезлова 2025 г. Костромской музей-заповедник. №№ КМЗ КОК-5080; КМЗ КОК-5075; КМЗ ОФ-4572.

К этой категории относится и *тастар* из собрания КМЗ (№ КП КМЗ КОК–5274). Он представляет собой полотенеобразное покрывало, которое использовалось для закрытия нижних головных уборов (волосников) замужних татарок. Данный элемент традиционного женского костюма был широко распространен среди всех субэтнических групп татар. Не являлась исключением и Костромская область, где в Татарских слободах женщины носили *тастар*. В очерке В. Пирогова «Татарская деревня под Костромой» отмечается, что костюм женщин поддался русскому влиянию в меньшей степени. Девушки и молодые женщины прикрепляли к волосам небольшие бархатные калфак-наколки, а женщины старшего возраста повязывали полотенеобразный *тастар* (Романец, 2017: 137). Традиции и национальный костюм костромских татар на протяжении столетий оставались практически неизменными и обладали региональными особенностями. Ширина костромского *тастара* составляет всего 14 см, что значительно меньше, чем у тастаров, описанных этнографами в других регионах. Этот предмет долгое время считался поясом, несмотря на сохранившуюся на нем надпись с названием, сделанную во время его приобретения сотрудниками КНО.

В качестве примера традиционного головного убора татар можно привести крупный вязаный *калфак* (№ КП КМЗ КОК–34480). Он обладает богатым декоративным оформлением, включающим цветочно-растительный орнамент, выполненный синелью. Изделие характеризуется мягкостью и отсутствием бахромы, его длина составляет 52 см. Орнаментальный узор представлен чередованием узких и широких полос, образующих структурированный дизайн. Такие калфаки были в ходу до конца XIX в. Их носили, откинув лопасть набок. Мода диктовала свои правила: в это время начинают распространяться калфаки из бархата меньшего размера с золотым узором в виде букетной композиции. Они заметно короче, легче и изящнее, а золотая вышивка на тёмном фоне бархата смотрится еще наряднее. Такие калфаки имеют по ширине своей ниже цветочного букета узкую полосу узора в виде выющегося побега, чередующихся цветов, реже геометрических мотивов. Представленный предмет из коллекции КМЗ (№КП КМЗ ОФ–832/3) относится к категории калфаков. Изделие характеризуется композицией «золотое перо», которая является типичной для татарских женских головных уборов. Веточка, выполненная в изящной изогнутой форме, декорирована цветочными и листовыми мотивами. Композиционное решение отличается гармоничностью и выразительностью. Бархатные калфаки с вышивкой золотыми нитями постепенно приобретают популярность среди городского и сельского населения.

Женский головной убор *каттажи*, носимый поверх платка, представлял собой элемент традиционного костюма. *Каттажи* изготавливались из цветного шелка или бархата и имели форму, схожую с тюбетейкой, но с овальным основанием. В музейной коллекции представлен экземпляр данного головного убора, выполненный из бордового бархата и имеющий хлопчатобумажную подкладку светло-коричневого цвета. Верхняя часть *каттажи* декорирована складками, а на лобной части расположен орнамент в виде стилизованного цветка, созданный с использованием техники тунцал и блесток в золотисто-серебристых тонах. Для фиксации на голове *каттажи* оснащены бельевой резинкой (№КП КМЗ ОФ–4573).

Женский татарский национальный костюм не будет выглядеть завершённым без ювелирных украшений. Всем известно, что «идушую татарку всегда можно было раньше услышать, чем увидеть» (Сулова, 1980: 28). В татарской культурной традиции существует следующее изречение: «Мужчине не в тягость оружие, а женщине – украшения» (Татарские народные пословицы..., 2020: 242). В коллекции КМЗ сохранилось ожерелье из монет (№ КП КМЗ ОФ–523), брошь (№ КП КМЗ КОК–16121/25), наконечники украшений *чуллы* (№ КП КМЗ КОК–21956; № КП КМЗ ОФ–526; № КП КМЗ/КХМ КП–7104), браслеты (№ КП КМЗ КОК–3276; № КП КМЗ КОК–3277; № КП КМЗ КОК–3278; № КП КМЗ КОК–3279; № КП КМЗ КОК–3304). В середине XIX в. монетные ожерелья и ожерелья, сконструированные из сканых или чеканных блях, бытовали у всех групп волго-уральских татар. Следует отметить, что монетные ожерелья, как правило, ассоциируются с сельскими комплексами одежды, в то время как юве-

лирные ожерелья из блях характерны для городской культуры. В целом, ожерелья у татар имеют глубокие исторические корни и являются традиционными элементами, уходящими в древность (Суслова, 2018: 149). Так, например, ожерелье, состоящее из тридцати подвесок, выполненных в виде серебряных пяточков, представляет собой типичный образец данного типа украшений.

В этнографической литературе редки упоминания о существовании у татар украшений в виде брошек. Брошь представляла собой специальную, декоративно оформленную булавку, которая кроме эстетической функции нередко выполняла и утилитарную роль: скрепляла грудной разрез женской рубахи. В традиционной культуре татарского народа выделяются два типа брошей. Первый представлен филигранными бляхами с подвесками или без них, известными как *кашлы инэ* и *иналек*. Второй – монетные броши, или *таңкале булавки*, которые изготавливаются из мелких, часто серебряных монет с позолотой, прикрепляемых к дугообразной булавке (Суслова, 2018: 150). Брошь второго типа представлена в коллекции КМЗ (№ КП КМЗ КОК–16121/25). Монетный комплект состоит из пяти монет номиналом пять копеек. Четыре монеты датированы 1884 и 1882 гг. соответственно. На двух монетах год чеканки не читается. Все монеты скреплены между собой с частичным наложением друг на друга. На цепочке имеется подвес, выполненный из монеты, датированной 1882 г. На лицевой стороне герб Российской империи – двуглавый орел, на оборотной стороне – номинал монеты и наименование монетного двора. Такой тип брошей считается более архаичным. Он перекликается с финскими фибулами типа *сюльгам* (Суслова, 2018: 151).

К старинным видам украшений относятся *чулпы* – накосники, которые носились в прошлом всеми женщинами, начиная с детского возраста (Валеев, 2020: 90). Особенность такого украшения заключается в том, что оно вплетается в косы, как лента, благодаря прикреплённой тесьме. В собрании музея представлен самый распространенный тип *чулпы*, имеющий в основе бляху лопастной формы с кольцами для крепления тесьмы и подвесок. Как правило, к фигурной бляхе такого типа *чулпы* через кольца крепятся три меньшие бляхи или же чаще, как в рассматриваемых вариантах, монеты. Обычно средняя монета выбиралась крупной (рубли), боковые – меньших размеров.

Традиционный татарский костюм немыслим без элегантной обуви *ичиги*. Особый интерес представляют две пары женских сапожек, выполненных в технике кожаной мозаики, известной как узорная или «азиатская» техника (№ КП КМЗ КОК–4461/1,2 и № КП КМЗ/КХМ КП–7103/1,2). Данный вид обуви представляет собой не только выраженный этнический маркер, но и уникальный объект народного искусства. Изготовление такой обуви всегда было сопряжено с высокими затратами: согласно татарской пословице, «Ичиги стоят три рубля, а вышивка на них – пять рублей» (Татарские народные пословицы..., 2020: 175).

Мужские ичиги (№ КП КМЗ КОК–4463/1,2) имеют голенище и передок из цельного куска кожи, который сверху имеет криволинейный край, а сзади сшит

по прямой линии, за исключением области пятки, где шов повторяет мозаичный рисунок. В области пятки вкроен фрагмент шагреновой кожи, при этом линия шва визуально растворяется благодаря технике кожаной мозаики. Такие сапоги являлись одним из элементов двойной обуви, популярной в XIX в. По мусульманскому обычаю нельзя было показывать голые ноги, при этом в обуви запрещалось заходить в мечеть. По этой причине существовала практика использования двойной обуви, состоящей из грубой наружной части и более мягкой внутренней – *ичиги*. Для передвижения по улице применялась верхняя обувь, которую оставляли у входа, в мечети или дома оставляя в ичигах. Однако даже они считались сакрально нечистым предметом. На обуви можно было занести в жилище не только уличную грязь, но и злого духа, джина, представляемого в виде насекомого, что могло привлечь беды и несчастья. Для защиты от негативных воздействий на обуви обязательно присутствовали обережные элементы. В данной паре обуви предусмотрена вставка из шагрени, декорированная орнаментальными элементами, имитирующими завитки, напоминающие рога барана, символику древа жизни или концентрические круги. Эти элементы служили для предотвращения проникновения злых духов и обеспечения благополучия в доме. Вставка была предназначена для обеспечения максимальной прочности конструкции задника. Шагрень (*саур*) изготавливали в Средней Азии из конской или ослиной кожи. Она отличалась большой прочностью, необычной фактурой и колоритом. На изнанке увлажненной кожи делали множество надрезов, которые заполняли просыянными зернами. Из просушенной кожи зерна удаляли, а полученную рельефную поверхность натирали медными опилками, в результате чего шагрень приобретала зеленовато-бирюзовый цвет (Калашникова, 2010: 28). Это видно на рассматриваемой паре мужских ичигов.

В собрании КМЗ широко представлены тюбетейки. Они у татар традиционно являлись главным мужским головным убором. Существуют два основных типа тюбетеек: *келепуш* и *такья*. *Келепуш* был в виде низкого усечённого конуса с плоским верхом, а *такья* имела форму полусферы. Оба вида татарских тюбетеек изготавливаются из жёстких или полужёстких материалов. *Келепуш* получил широкое распространение и является наиболее распространённым типом мужского головного убора в данной культуре (Крестьянская одежда..., 1971: 333). В музейном фонде под номером КП КМЗ КОК–5159 зафиксировано нетипичное наименование тюбетейки – *тальбэк*. Однако в других источниках данный термин пока не обнаружен. Предполагается, что слово *тальбэк* в прошлом использовалось исключительно костромскими татарами. В книге «Костромские татары» отмечается, что татары всегда носили тюбетейки на голове, что являлось отличительной чертой их внешнего облика по сравнению с русским населением города Костромы. *Тюрюк*, мужской головной убор, длительное время являлся одним из значимых элементов традиционной национальной одежды костромских татар (Костромские татары..., 2022: 178). Упоминание термина *тюрюк* встречается исключительно в этнографической литературе, на-

пример, в изданиях «Тысяча лет по соседству» и «Костромские татары», что свидетельствует о его локальной специфике и ограниченном распространении.

Рис. 4. Тюбетейки из собрания Костромского музея-заповедника. Фотография М.А. Жезлова 2025 г. Костромской музей-заповедник. №№ КМЗ КОК-5161; КМЗ КОК-5159; КМЗ КОК-5156; КМЗ КОК-5157; КМЗ КОК-56259.

В представленном собрании тюбетеек все изделия украшены цветочно-растительным орнаментом. Однако, они существенно различаются по времени создания. Тюбетейки с каталожными номерами КП КМЗ КОК–5156 и КП КМЗ КОК–5157 (рис. 4) изготовлены из лилового бархата и декорированы вышивкой золотой нитью, изображающей цветы и листья. На них присутствуют два ряда позумента. Форма тюбетеек круглая, выпуклая, полусферическая. Обе расшиты металлическими блестками в виде мелких дисков-пайеток. Такие головные уборы относятся к старинному типу *такыя*, который, как считают исследователи, развивался из подшлемника средневековых воинов. Именно для тюбетеек первой половины XIX в. характерны золотошвейные узоры, составленные из крупных, обобщенно трактованных цветочно-растительных мотивов, покрывающих всю украшаемую поверхность (Валеев, 2020: 53). У первого образца угадывается мотив вихревой розетки. По сложности орнамента, основной ткани и форме эти тюбетейки соответствуют головным уборам татар первой половины XIX в. К данному периоду относится тюбетейка под инвентарным номером КП КМЗ КОК–5159, изготовленная из вишневого бархата и имеющая плоский

круглый верх. Тулья и околыш тюбетейки декорированы золотным шитьем. Поверхность изделия украшена сплошным ленточным орнаментом, состоящим из цветов и листьев. На макушке расположена пуговица из бархата с блестками, а край околыша отделан позументом. Подкладка выполнена из красной бумаги.

Тюбетейка под номером КП КМЗ КОК–5161 из бархата тёмно-красного (вишнёвого) цвета, круглой формы, украшенная золотным шитьём, характерна для тюбетеек второй половины XIX в. В это время цветочные букеты приходят на смену цветочному бордюру и розетке посередине, свойственных более ранним образцам. Они равномерно размещены по всей поверхности головного убора. Поздние образцы такого типа тюбетеек имеют ещё более мелкие букеты, которые располагаются по поверхности тюбетейки в шахматном порядке, а на смену бархату приходят вельвет и тонкое сукно (Валеев, 2020: 54). Наблюдается тенденция к упрощению техники вышивки. В современных образцах орнаментальные элементы утрачивают свою выразительность, приобретая плоскую и упрощенную структуру. Декоративные элементы, такие как кисточки, блестки и другие средства украшения, также исчезают из композиций.

Самый поздний из представленных головных уборов – тюбетейка из темно-синего бархата под номером КП КМЗ КОК–56259. Она украшена бисером белого, голубого и жёлтого цвета, составляющим цветочный узор, расшита пайетками серебристого цвета. Внутренняя часть головного убора выполнена в чёрном цвете. Он имеет прошивку и клеевое соединение для обеспечения целостности и долговечности конструкции. Предмет поступил в музей в 2003 г. среди 78 предметов, переданных в дар музеем от Александра Леонидовича Синицина, помощника генерального директора по юридическим и кадровым вопросам ОАО «Фанплит». Эти экспонаты иллюстрируют историю костромского предприятия в период с 1990 по 2000 гг. и связаны с деятельностью Рашита Мифтаховича Мифтахова, который в этот период занимал руководящую должность на предприятии. Тюбетейка, представленная в экспозиции, является личным предметом этого выдающегося деятеля лесной промышленности Российской Федерации, удостоенного звания почетного гражданина Костромской области. Рашит Мифтахович родился 9 января 1941 г. в д. Большое Русаково, Кайбицкого района Татарской АССР. Окончил Костромской технологический институт по специальности инженер-технолог деревообработки. Общий стаж трудовой деятельности Р.М. Мифтахова составляет 46 лет. В период с 1964 г. он осуществлял профессиональную деятельность на Костромском фанерном комбинате, который в настоящее время функционирует как ОАО «Фанплит». В течение этого времени Мифтахов прошел путь профессионального роста от станочника производственного цеха до генерального директора предприятия. За заслуги перед отечеством Рашит Мифтахович был удостоен медали ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. В августе 2023 г., на 82-м году жизни Р.М. Мифтахов ушел из жизни.

Кроме зарисовок и вещевого материала внимания заслуживают экспонаты декоративно-прикладного искусства, посвящённые татарской культуре. Напри-

мер, фаянсовая скульптура «Татарин-красильщик», выпущенная заводом товарищества М.С. Кузнецова (№ КП КМЗ/КХМ КП–5248), резная скульптура «Голова татарина» Исидора Григорьевича Фрих-Хара (№ КП КМЗ КОК–7544). Вызывают интерес татарские народные наигрыши на грампластинке (№ КП КМЗ КОК–28073/28), многочисленные открытки, фотографии и негативы слободы, которые сейчас хранятся в фонде «Фото-аудио-видео-материалы» КМЗ. На фотографиях и негативах изображены, как правило, пейзажи слободы и её окрестностей рубежа XIX–XX вв.: общий вид на Татарскую слободу, набережная Волги, вид роши, мечети (рис. 5), татарского кладбища, колесный буксирный пароход «Маметевъ», принадлежащий братьям Ф.С. и М.С. Маметевым. На таких снимках мало людей, но чувствуется красота и простор волжских берегов, близость слобожан к природе, величие старых деревьев, в тени которых до сих пор хранится память о предках костромских татар. В настоящее время вид слободы претерпел значительные изменения. С появлением Горьковского водохранилища облик берега Волги в черте Татарской слободы стал другим. Сейчас с реки виднеются зелёные облака кустов и деревьев, упирающиеся прямо в воду. В этих облаках зелени кое-где просматриваются дома слобожан. Сложно представить, что за этой изумрудной грядой шумит город, а сто лет назад, наоборот, на широком открытом берегу стояли бесконечные мостки, лодки, лежали доски, брёвна, судовые детали, именно здесь шумели голоса рабочих, а поблизости стояла мечеть.

Рис. 5. Фотография на паспарту. Мечеть в Татарской слободе. Начало XX в. Российская империя, Костромская губерния, г. Кострома. Фотобумага, картон; фотопечать. 13х18 см; 17,5х24 см (в паспарту). Костромской музей-заповедник. № КМЗ КОК-9707.

Веет покоем с открытки, на которой изображено татарское кладбище (№ КП КМЗ КОК–35997). В центральной части композиции изображены два мальчика в тюбетейках, стоящие на краю солнечной опушки. В сравнении с ними деревья предстают как внушительные гиганты. За этими природными исполинами можно различить очертания оград и тропинок, однако детали остаются неразличимыми.

Случались в слободе и несчастья. Так на одном из негативов был запечатлен пожар (№ КП КМЗ КОК–12009). На переднем плане слева – молодой татарин в тюбетейке, белой рубашке, жилете и кожаных сапогах. Его руки, утомленные физической работой, опираются на обломок трубы. На лице, выражая напряженную усталость, заметен приоткрытый рот. Он измучен жарой и работой, но, к сожалению, уже ничего нельзя изменить. Взгляд парня направлен в сторону сгоревших построек. Кругом дым, обгоревшие бревна, опаленные огнём деревья.

В 1917 г. в Татарской слободе был размещён Конный военный запас (№ КП КМЗ КОК–20670/1). На фотографиях запечатлен исторический эпизод, связанный с Первой мировой войной. Две почтовые карточки с изображениями Татарской слободы были отправлены солдатами, участниками Первой мировой войны, о чём свидетельствуют штампы 323-го пехотного Юрьевецкого полка, сформированного в июле 1914 г. из личного состава 183-го пехотного Пултусского полка (№ КП КМЗ НВ–5838). На одной из карточек присутствует штамп самого 183-го пехотного Пултусского полка (№ КП КМЗ НВ–5028/22).

В 1990-е годы наблюдался рост интереса к изучению истории региона, что нашло отражение в публицистических произведениях, научно-популярной литературе, музейных экспозициях и организации историко-культурных мероприятий, таких как фестиваль «Вехи». В этот период выходит краеведческий альманах «Костромская земля», в котором публикуются воспоминания Л. Колгушкина. В газете «Северная правда», в номере 146 от 1996 г., в разделе «Исторический вестник» была опубликована статья Н. Полетаева под названием «Как была закрыта мечеть в Татарской слободе». Жизнь костромских татар также нашла отражение в местной газете «Ислам», которая начала выпускаться 15 июля 1999 г. по инициативе мусульманского религиозного объединения города Костромы и Национально-культурной автономии татар Костромской области. Основной целью издания было укрепление этнического самосознания, сохранение обычаев и традиций, освещение основ ислама, культуры и истории татарского народа в целом и в частности в Татарской слободе. На данный момент восемнадцать выпусков газеты хранятся в фонде «Ценная редкая книга» КМЗ.

Несколько предметов из коллекции было передано слобожанами в собрание Костромского государственного объединенного художественного музея после открытия 15 октября 2003 г. в Костромском государственном объединённом ху-

дожественном музее первой в истории города Костромы выставки Государственного музея изобразительных искусств Республики Татарстан под названием «Искусство Татарстана», организованной в рамках культурного обмена между Костромской областью и Республикой Татарстан. В залах музея были представлены художественные картины, панно, национальная одежда, обувь, украшения. Выставка вызвала большой интерес и отклик у слобожан и жителей города, благодаря чему музеем были приобретены предметы татарской одежды конца XIX – начала XX в. В 2005 г. произошло объединение двух государственных учреждений культуры: Художественного музея, где проходила известная выставка, и Костромского государственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Ипатьевский монастырь». В результате слияния произошло объединение их коллекций, а в учетной документации зафиксированы имена дарителей. Так костромичка Зельфия Хайдаровна Исаченко передала в коллекцию КМЗ пару ичигов (№ КП КМЗ/КХМ КП–7103/1,2) и накосное украшение *чулты* (№ КП КМЗ/КХМ КП–7103/1,2). Эти вещи принадлежали её матери – Шамшебян Исмаиловой (1910–1997), родившейся под Казанью в д. Шахмайкино (ныне Чистопольский район Республики Татарстан) и переехавшей в Кострому. Галия Ларионова, жительница Татарской слободы, передала полотенца (№ КП КМЗ/КХМ КП–7426; № КП КМЗ/КХМ КП–7427; № КП КМЗ/КХМ КП–7428; № КП КМЗ/КХМ КП–7429; № КП КМЗ/КХМ КП–7431) и подзор (№ КП КМЗ/КХМ КП–7430), который изготовила её мама Хадича Мухамедовна Курочкина. Вероятно, домотканые полотенца, бытовавшие в их доме, были украшены вышивкой, сделанной руками матери. Одно из них берегли особо – оно принадлежало двоюродной сестре мамы – Хабибе Хамидовне Бегильдеевой (1892–1976), и было изготовлено специально на её свадьбу. Рахилия Якубовна Маметева, жительница Татарской слободы, передала в коллекцию музея национальное татарское платье (№ КП КМЗ/КХМ КП–7432) и камзол (№ КП КМЗ/КХМ КП–7433), принадлежавшие её маме – Магире Мюфтяхудиновне Кадыбердиевой. Аминя Хайретдинова Клокова из Новгородской области, всегда интересовавшаяся жизнью и бытом своих предков, получила в наследство национальную татарскую одежду от своей тёти, старшей сестры матери, Марьям Бахтияровны Женодаровой (1901 г.р.), коренной слобожанки. Аминя Хайретдинова сочла нужным оставить эти предметы на исторической родине. Так коллекцию музея пополнили два платья (№ КП КМЗ ОФ–4568 и № КП КМЗ ОФ–4569), три камзола (№ КП КМЗ ОФ–4570; № КП КМЗ ОФ–4571; № КП КМЗ ОФ–4572) и девичий головной убор *каттажи* (№ КП КМЗ ОФ–4573).

Предметы татарской коллекции неоднократно экспонировались на выставках музея. В качестве примера приведем выставку «Губернский город К», которая была открыта в здании Дворянского собрания в 2011 г. На ней был представлен традиционный женский татарский костюм, включающий в себя следующие элементы: головной убор *калфак*, монетные подвески, украшения для кос *чулты*, браслет, шёлковое платье с камзолом, женские *ичиги*. В рекламном буклете читаем: «Город К – исконно православный город. Монастыри и храмы составляют

его исконное украшение. Кафедральный Успенский собор над Волгой славится своей красотой на всю Россию, а духовная семинария считается одной из лучших. Но есть в этом городе Татарская слобода со своей мечетью, и еврейская синагога, и католический костел, и лютеранская кирха. Всем хватает места под солнцем». На выставке «Романовы. Россия. Кострома», которая открылась в 2019 г. в здании Романовского музея, были представлены материалы, посвященные Татарской слободе, её жителям, а также татарской культуре как неотъемлемой части города. Отдельное внимание уделялось делегации татар, которая встретила с императором Николаем II в мае 1913 г. Для экспозиции был выставлен традиционный женский наряд слобожанки: татарский платок, платье и камзол, *калфак*, *каттажи* и *ичиги*. Во время презентации книги «Костромские татары», состоявшейся в ноябре 2022 г. в Синем зале Дома Губернатора, были представлены экспонаты, отражающие элементы традиционной татарской культуры. Среди них женские браслеты, накосные украшения *чулпы*, головные уборы, платья, камзолы, *ичиги* и кувшин для омовения *кумган*. Эти предметы, являющиеся яркими примерами татарского быта, неизменно привлекают внимание как посетителей выставок, так и исследователей.

Коллекционирование предметов татарского мира в музее носило преимущественно не системный характер, а фонды пополнялись во время отдельных событий и благодаря частным инициативам. Автор статьи впервые собрал и проанализировал историю формирования коллекции, проследил ее увеличение и развитие на протяжении длительного времени.

В собрании КМЗ хранятся аутентичные памятники татарской культуры, которые представляют собой не только ценный источник для исследователей и материал для создания разнообразных музейных экспозиций, но и являются значимым элементом исторической памяти. Эти артефакты способствуют формированию чувства толерантности и принадлежности к многонациональному миру России, противодействуют процессам культурной глобализации и вдохновляют многочисленных посетителей музея.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

Отчёт о деятельности КНОИМК за 1913 г. / КНОИМК. Кострома: тип. М. Ф. Риттер, 1914.

Отчёт о деятельности КНОИМК за 1915 г. / КНОИМК. Кострома: электро-печатня М. Ф. Риттер, 1916.

Отчёт о деятельности КНОИМК за 1924 г. / КНОИМК. Кострома: тип. Красный печатник, 1925.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреанова Н.В. Татарские женские нагрудники в собрании КМЗ // Музейный хронограф. Вып. 11. Кострома: ОГБУК КГИАХМЗ, 2024. С.232–245.
- Валеев Ф.Х. Татарское народное декоративное искусство (XVIII – начало XX в.): истоки и традиции: монография. Казань: Татар. кн. изд-во, 2020.
- Калашиникова Н.М. «Все́м богам по сапогам». Коллекция традиционной обуви из собрания РЭМ. М.: Северный паломник, 2010.
- Каталог музея Костромской ГУАК / сост. П.А. Алмазов, А.Н. Рождественский и др. Кострома: Губ. тип., 1909.
- Каткова С.С. Этнологическая станция КНО. Зарисовки праздничных дуг на костромском базаре. К вопросу о костромской крестьянской росписи // Костромской край и сопредельные территории в древности, Средневековье и Новое время. К 135-летию со дня рождения В.И. Смирнова: сб. науч. тр. Кострома: Линия График Кострома, 2017. С. 28–34.
- Колгушкин Л.А. Костромская старина // Костромская земля. Вып. 4. Кострома: Костромской филиал РФК, 1999. С. 45–67.
- Костромские татары: очерки по истории и традиционной культуре Татарской слободы / гл. ред. Р. Аббясов. М.: Буки Веди, 2022.
- Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX – начало XX в.): определитель / отв. ред. А.А. Лебедева. М.: Советская Россия, 1971.
- Муренин Н. Татарская слобода и мечеть в Костроме. Кострома: Линия График Кострома, 2015.
- Пирогов В.Г. Татарская деревня под Костромой // Материалы для статистики Костромской губернии. Вып. 4. Кострома: Костромской губ. стат. комитет, 1881. С. 59–73.
- Полянская Е.М. Костромской хомут. Кострома: Красный печатник, 1927.
- Романец П. Татары // Тысяча лет по соседству. Повседневность и праздничность в культуре народов Костромской области. Кострома: Стандарт Принт, 2017. С. 133–142.
- Сто лет служения музею / сост., предисл., ступ. ст. И.С. Наградов; ОГБУК «КМЗ». Кострома: Костромаиздат, 2014.
- Сулейманова Д.Н. Интерьер татарского дома: истоки и развитие. Казань: Татар. кн. изд-во, 2010.
- Суслова С.В. Женские украшения казанских татар середины XIX – начала XX в. М.: Наука, 1980.
- Суслова С.В. Татарский костюм: историко-этнологическое исследование. Казань: Татар. кн. изд-во, 2018.
- Татарские народные пословицы и поговорки / сост. Л.Х. Мухаметзянова, И.И. Ямалтдинов. Казань: Татар. кн. изд-во, 2020.
- Татары / отв. ред. Р.К. Уразманова, С.В. Чешко. М.: Наука, 2001.
- Шипилов А. Костромская губернская ученая архивная комиссия (1885–1917 гг.) // Краеведческие записки. Вып. 4. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1986. С. 49–58.
- Энциклопедия старого быта. Российская империя. Конец XIX – начало XX века / под общ. ред. А.Ю. Низовского. М.: Хобби Пресс, 2011.

REFERENCES

- Andrianova N.V. (2024) Tatar women's breastplates in the collection of the KMA. In: *Museum Chronograph*. Issue 11. Kostroma: OGBUK KGIAKhMZ Publ.: 232–245. (In Russ.)
- Catalogue of the Kostroma Museum of the Russian Geographical Society* (1909). Comp. P.A. Almazov, A.N. Rozhdestvensky, and others. Kostroma: Gubernatorial Printing House. (In Russ.)
- Encyclopedia of old life. The Russian Empire. Late 19th – early 20th centuries* (2011). A.Yu. Nizovsky (ed.). Moscow: Hobby Press. (In Russ.)
- Kalashnikova N.M. (2010) "To All the Gods, according to the boots." *A collection of traditional footwear from the Russian Ethnographic Museum*. Moscow: Severnyy Palomnik Publ. (In Russ.)
- Katkova S.S. (2017) Ethnological station of the Russian Geographical Society. Sketches of festive arcs at the Kostroma bazaar. On the issue of the Kostroma peasant painting. In: *Kostroma region and adjacent territories in antiquity, the Middle Ages and modern times*. Dedicated to the 135th anniversary of V.I. Smirnov: collection of academic papers. Kostroma: Liniya Grafik Kostroma Publ.: 28–34. (In Russ.)
- Kolgushkin L.A. (1999) Kostroma Antiquity. In: *Kostroma Land*. Vol. 4. Kostroma: Kostroma branch of the Russian Fund of Culture Publ.: 45–67. (In Russ.)
- Murenin N. (2015) *The Tatar settlement and mosque in Kostroma*. Kostroma: Liniya Grafik Kostroma Publ. (In Russ.)
- One hundred years of service to the museum* (2014). Comp., preface, step. art. I.S. Nagradov; OGBUK "KMZ". Kostroma: Kostromaizdat Publ. (In Russ.)
- Peasant clothing of the population of European Russia (19th – early 20th century): a guide-book* (1971). A.A. Lebedeva (ed.). Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ. (In Russ.)
- Pirogov V.G. (1881) The Tatar village near Kostroma. In: *Materials for statistics of the Kostroma province*. Vol. 4. Kostroma: Kostroma gub. stat. committee: 59–73. (In Russ.)
- Polyanskaya E.M. (1927) *Kostroma Yoke*. Kostroma: Krasnyy Pechatnik Publ. (In Russ.)
- Romanets P. (2017) Tatars. In: *A thousand years of neighboring cultures. Everyday life and festivities in the culture of the peoples of the Kostroma region*. Kostroma: Standard Print Publ.: 133–142. (In Russ.)
- Shipilov A. (1986) The Kostroma Governor's Academic Archival Commission (1885–1917). In: *Local History Notes*. Issue 4. Yaroslavl: Verkhne-Volzhskoye Book Publ.: 49–58. (In Russ.)
- Suleymanova D.N. (2010) *Interior of the Tatar house: origins and development*. Kazan: Tatar Book Publ. House. (In Russ.)
- Suslova S.V. (1980) *Women's jewelry of the Kazan Tatars in the mid-19th and early 20th centuries*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Suslova S.V. (2018) *Tatar costume: a historical and ethnological study*. Kazan: Tatar Book Publ. House. (In Russ.)
- Tatar folk proverbs and sayings* (2020). Comp. L.Kh. Mukhametzyanova, I.I. Yamaltdinov. Kazan: Tatar Book Publ. House. (In Russ.)
- Tatars* (2001). R.K. Urazmanova and S.V. Cheshko (eds.). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- The Kostroma Tatars: essays on the history and traditional culture of the Tatar settlement* (2022). R. Abbyasov (ed.). Moscow: Buki Vedi Publ. (In Russ.)
- Valeev F.Kh. (2020) *Tatar folk decorative art (18th – early 20th centuries): origins and traditions*. A monograph. Kazan: Tatar Book Publ. House. (In Russ.)

Сведения об авторе: Андреанова Наталья Вячеславовна, старший научный сотрудник Научно-информационного отдела, ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник» (156000, проспект Мира, 7, Кострома, Российская Федерация); <http://orcid.org/0009-0006-6516-9263>; e-mail: z45natasha@mail.ru

About the author: Natalia V. Andrianova, Senior Researcher of the Scientific and Information Department, Kostroma State Historical, Architectural and Art Museum-Reserve (7 Mira Ave., Kostroma 156000, Russian Federation); <http://orcid.org/0009-0006-6516-9263>; e-mail: z45natasha@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 5.08.2025

Доработана после рецензирования / Revised 30.09.2025

Принята к публикации / Accepted 24.10.2025